

А. М. Новикова было построено специальное помещение. Сейчас в этом помещении расположена кафедра судебной медицины Уральской государственной академии. Работал на этом аппарате врач Колмыков, часто докладывавший о результатах лечения женщин Екатеринбургскому Обществу врачей.

Оба первые в городе аппарата были снабжены сухими трансформаторами, механическими выпрямителями и ионными трубками. По-видимому, именно аппарат В. Г. Эмана был перенесен в 1920 г. в Первую городскую больницу. В декабре 1920 г., по некоторым данным, в Екатеринбург с группой врачей приехал врач-рентгенолог Шор. Он привез с собой рентгеновский кабинет, который был якобы смонтирован в госпитале. Об этом госпитале известно лишь, что он был расположен в кирпичном здании на углу улиц Луначарского и Куйбышева. О характеристике смонтированного в госпитале аппарата и о его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. Врач-рентгенолог Шор в 1921 г. уехал из нашего города в Киев. Однако во время Великой Отечественной войны Шор вновь вернулся и работал в госпитале 414, располагавшемся на углу улиц Малышева и Луначарского (ныне здание НИИ «Автоматика»).

В. И. Рябухина,

*Свердловская областная научная библиотека им. В. Г. Белинского
(Екатеринбург)*

“Коль читальня заведется — темноте придет конец”

Из истории библиотечного дела на Урале начала 20-х годов.

По материалам прессы

В предреволюционный период российские земства обратили особое внимание на внешкольное образование. Пермское земство считалось передовым в России, так как уделяло большое внимание повышению общекультурного уровня населения, особенно крестьянства. Осуществление этой миссии брали на себя воскресные и дополнительные школы, музеи, народные дома, самодеятельные театры,

хоры. Основным же рассадником внешкольного просвещения масс были библиотеки. Поэтому большинство уездных земств считали крайней необходимостью планомерное развитие библиотечной сети, особенно в сельской местности.

К 1916 г. население Екатеринбургского уезда составляло около 450 тыс. человек. В 64 читальнях на этой территории имелось 89 тыс. названий книг (128 тыс. томов). В среднем на каждую библиотеку приходилось 2 тыс. экземпляров. Среди читателей 57 % составляли мужчины, 43 % — женщины. На каждую библиотеку приходилось в среднем 434 читателя. Основную массу народных библиотек составляли две категории: низшие, как правило, пришкольные, и повышенного типа, самостоятельные, с читальнями, особо опекаемые земством. Кроме стационарных, в уезде числилось 73 передвижки, каждая имела до 500 книг. Передвижки колесили по сельским пунктам, и через каждый учебный год одна сменяла другую. В каждой передвижке насчитывалось в среднем чуть более 60 читателей.

Разрабатывая сеть библиотечных учреждений, земцы исходили из того, что сельская библиотека должна быть иной, нежели городская. “В селе это не только центр выдачи книг, но и место, где посетители могли бы получить советы и ответы на всевозможные вопросы в области образования, воспитания и прикладных знаний. Библиотечные книги — это тот духовный цементирующий материал, который сплачивал бы меж собой крестьян в их культурных интересах при совместном обсуждении или проработке волнующих вопросов. Чтение должно пробуждать инициативу и интерес к более серьезным, нежели начальная школа, видам образования. Библиотеки должны участвовать в объединенной культурно-просветительской деятельности всех местных организаций”. Так определяла роль народных библиотек Екатеринбургская земская управа в отчете 48-му земскому собранию в 1916 г. Кстати сказать, идея справочной службы в библиотеках через несколько лет внедрялась директивным порядком. в практику работы советских библиотек.

Перед самой революцией в 1917 г. в Пермской губернии начинает развиваться сеть изб-читален, которые не имели определенного книжного состава. Посетителям выдавали газеты, агитлитературу и организовывали совместное чтение. . В каждом населенном пункте,

где отсутствовали библиотеки, открывались избы-читальни. Этот тип учреждений закрепился надолго.

После возвращения Советской власти на Урал вся культурно-просветительная деятельность подчинялась требованиям политики партии большевиков. Культпросветучреждения практиковали “летучий”, агитационный стиль работы. Активизируются передвижные формы деятельности, связывающие город с деревней. Примером могут служить десятки “красных повозок”, всплеск мобильности которых пришелся на 1920—1921 гг. Вот как выглядела одна из них, приписанная к Оханской гарнизонной библиотеке: “Библиотекарь брал у родителей лошадь, отбирал комплект книг в 100—200 экземпляров, наиболее интересных, “ударных”, с карточками и прочими принадлежностями техники — и на телегу. Над ней возводилась крыша со скатом по обе стороны из картона с соответствующими плакатами, лозунгами, объявлениями. Еженедельно, а то и чаще, в воскресные и праздничные дни, в погожие вечерние часы лошадь с шагающим рядом библиотекарем объезжала улицы города, особенно окраины. Первое время она была диковинкой — сбегались ребята, останавливались взрослые и смотрели на очередную советскую выдумку. Подходили, расспрашивали. Библиотека останавливалась, библиотекарь объяснял цели, задачи, правила выдачи. Узнав, что можно брать книги для чтения, зрители просматривали их и брали... Постепенно к библиотеке-повозке привыкли и около 200 человек из нечитавших до сих пор стали сначала ее подписчиками, а потом пришли в постоянную гарнизонную и центральную... Еще библиотечная активность может выразиться в устройстве передвижных выставок, библиотечных праздников-карнавалов, на гуляньях, вечерах шестивий книгонош...” (журнал “На третьем фронте”, 1922).

В 1920 г. из отделов Наркомпроса выделился Главполитпросвет и его подразделения на местах, в том числе и в крупном пролетарском центре Урала Екатеринбурге. Политико- и культурно-просветительные направления всех ведомств в период перехода к НЭПу объединились, и весь внешкольный аппарат, ведающий избами-читальнями, библиотеками, клубами, был подчинен вышеназванному единому центру. В 1921 г. в Екатеринбургской губернии числились 861 библиотека и 553 избы-читальни. Читателей в них числилось примерно

340 тысяч человек (население губернии — 2 000 тысяч). К 1922 г. финансовые и материальные трудности привели к сокращению библиотек до 496, изб—читален до 389, клиентуры до 245 тысяч человек. Но четко организованного плана развертывания сети КПУ не было. Только в дальнейшем, при создании Уральской области, была выработана программа этого строительства.

II съезд Политпросветов принял специальную резолюцию по централизации библиотечного дела. Теперь все библиотеки, независимо от принадлежности, были обязаны предоставлять свои книги в общественное пользование. В городе, районе учитываются все ресурсы, и информация о них выставляется в виде сводного каталога. Открываются детские отделы. В качестве общественного органа управления создаются библиотечные советы, которые помогают изучать интересы населения, организуют дружины для чтения вслух по домам и в местах массовых сборищ народа. Поскольку при базовых районных библиотеках обязательно формировались передвижные отделы, разрешалось держать разъездных инструкторов для организации работы с книгой в сельских населенных пунктах.

В реальной жизни планомерное создание сети библиотек на Урале давало сбои. Не хватало кадров, местные власти не совмещали требовательность с помощью, тяжелое материальное положение библиотек сохранялось. Даже в 1925 г., когда статистикой по Уральской области была зарегистрирована 1061 библиотека, это означало, что одна библиотека приходилась на 4,5 тысяч жителей (В 1921 г. — 2 300, в 1924 — 4 000).

Всю работу библиотек предстояло наполнить новым содержанием. IX съезд РКП(б) важнейшей задачей определил борьбу с разрухой. Поэтому библиотеки в первую очередь снабжались комплектами экономической литературы. Во всех избах-читальнях и передвижках организовывались ее чтения вслух. Приемы работы с населением из агитационно-митинговых форм приобретали более глубокую лекционную, выставочную пропаганду, с сопровождением фотографиями, диаграммами, плакатами.

При библиотеках и избах-читальнях создавались сельскохозяйственные кружки, которые VI областной съезд Советов расценил как

показатель технической революции в сельском хозяйстве, признак его реорганизации с ориентировкой на коллективные формы работы. По численности сельскохозяйственные кружки были самыми многочисленными. Так, в целом по области имелось 1500 кружков, в которых занималось 25 тыс. человек. Формы их работы были разнообразны: беседы, чтения, выставки, сельскохозяйственные праздники, практические мероприятия. Покчинский кружок каждой осенью проводил беседы по зяблевой вспашке, сохранению и уборке овощей. Мальковский кружок имел уголок с сельхозлитературой и двумя альбомами газетных вырезок. В Маракушинской читальне кружка не было, но велась серьезная работа по агропропаганде.

Перед библиотеками и избами-читальнями ставилась задача регулярной информации масс о политической жизни страны. Библиотечные работники выступали активными проводниками революционных идей. Они отвечали за “вливание коммунистической крови в очищенные сосуды пролетариата и крестьянства” с помощью тщательно отобранной литературы, посылаемой в библиотеки и избы-читальни через волостные и уездные центры снабжения. Однако напряженная борьба с голодом, холодом, эпидемиями ослабляла духовные интересы населения. Всего 0,1—0,2 % рабочих приходило, напр., в Билимбаевскую, Верх-Нейвинскую библиотеки, чтобы взять книгу домой. В таких случаях всю политико-просветительную деятельность приходилось переносить в читальню (читальный зал).

После борьбы с разрухой второй задачей дня считалась ликвидация неграмотности, особенно в деревне. Вслед за декретом СНК от 26 декабря 1919 г. “О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР” издается аналогичное постановление по Екатеринбургской губернии. Повсеместно организуются общества “Долой неграмотность!” В Екатеринбурге состоялось 14 съездов по народному образованию, в т. ч. два по внешкольной работе. В кампанию были втянуты сотни тысяч неграмотных и тысячи просвещенцев.

Главная задача библиотек заключалась в том, чтобы, во-первых, в случае недостатка учителей библиотекари, имевшие образование не ниже Высшего начального училища, мобилизовывались на сверхурочную работу по проведению занятий. При нехватке учебных

помещений ликпункт размещался в библиотеке. Во-вторых, приучить только что освоивших азы грамоты к самостоятельному чтению книг и газет. Организаторы внешкольного просвещения рекомендовали завести в библиотеке уголки, а в уголках выставить пособия по ликвидации неграмотности, папки с методическими указаниями, письмами ВЧК по ликвидации неграмотности, инструкции, циркуляры; работы учащихся, дневники, отчеты; книги для начального овладения грамотой. Центральное место рекомендовалось отвести лозунгу: "Через ОДН — все на борьбу с наследием царизма — неграмотностью!". Под ним развесить портреты: в центре Ленина, по бокам тов. Крупской и Калинина. Под ними разместить диаграммы, плакаты-выдержки типа "Лучший памятник Ильичу — уничтожение неграмотности" или "Сольемся в одном порыве — побороть тьму, вооружить каждого рабочего и крестьянина оружием знания!". В уголке обязательно представлялись два рекомендательных списка. Первый — для ликвидаторов неграмотности, второй — для обучаемых. Выставленные программные книги снабжались аттестацией (аннотацией). Вокруг всего этого организовывались кружки громкого чтения, беседы.

Обучение в школах грамоты было абсолютно обязательным. В уездах, городах, волостях, при заводах создавались комитеты, жестко выполнявшие директивы по созданию ликпунктов и программ обучения. Все неграмотные от 14 до 50 лет подлежали учету и направлению в школы. К уклоняющимся ВЧК по ликбезу могла применить самые жесткие меры. Ее карающие полномочия были сродни ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Большое внимание уделялось справочной службе. XIII съезд партии констатировал, что она является самой важной работой в деревне. Крестьянин, сталкиваясь с быстрым ходом жизни, по своей культурной отсталости и неграмотности не в силах самостоятельно разобраться все в новых и новых вопросах. К справочному обслуживанию предъявлялись требования давать ответы на все поступающие юридические, политические, экономические, общеобразовательные запросы, явные и скрытые. При выполнении справки учитывались местные условия. Ответы на вопросы, даже типовые, требовалось переводить в беседы, сочетать с рекомендацией книг. К примеру, всякий приходивший в Слободскую избу-читальню Первоуральского

р-на за каким-нибудь разъяснением, получал не только справку, но и фактическое содействие. Ему, если нужно, могли написать заявление в организацию или учреждение. За полтора месяца Калининская изба-читальня выдала по земельным вопросам 8 справок, по гражданским — 18, налоговым — 4, уголовным — 8, союзным — 2, заявлений — 41, принято заявлений для отсылки 7. Всего 110 обращений. “Стол справок безусловно пользуется авторитетом. Это видно из того, что приезжающие крестьяне перестают обращаться к деревенским адвокатам, и по приезду, если не застают избача на месте, бегут к нему на квартиру за разного рода справками. Справочная работа — это щупальцы для вовлечения в общественную деятельность прежде всего крестьянства и знакомство с настроениями района”.

В 1925 г. на Урале действовала 1061 библиотека, из них 468 государственных массовых и 976 изб-читален. 1023 передвижных библиотечек насчитывали около 100 тыс. книг. Стабильная “клиентура” библиотек и передвижек состояла из учащихся и совслужащих. Массовый читатель — рабочие и крестьяне — к середине 20-х годов составляли не более 20%. И это вопреки тому, что отмечался громадный рост активности этого контингента. Несоответствие объяснялось малым количеством и неадекватным составом литературы, поступавшей в библиотеки. Хотя на одну библиотеку приходилось уже 3000 книг, в большинстве это была брошюрочные или устаревшие по содержанию издания. Много книг подлежало изъятию как идеологически неприемлемых или непрофильных.

С окончанием НЭПа резко сократилось книгоиздание и на 30—40% — поступление в библиотеки. Большую тревогу вызывало обслуживание детей, нацменов, хотя для них открывались татаро-башкирские библиотеки. Из выданной литературы 30% приходилось на беллетристику, 14% на политическую, 9% на сельскохозяйственную. Что читали? Вот пример по Челябинскому округу. Батрак-подросток прочитал 16 книг. Начал с Д. Бедного, от него перешел на крестьянскую хрестоматию Будрина, и прочел обе части. Вернувшись к беллетристике, прочел “Антон-Горемыку” Григоровича, “Машу-делегатку” Лазарева и повесть “Пила и Сысойка” Решетникова. По сельскохозяйственной тематике прочел Бахметьева “Богатство в отбросах”, Орлова “Как вырастить хорошую лошадь”. Охотно читаются Келлер

“Универсальные лучи”, Язвический “Земля и что мы о ней знаем”, Рубакин “Путешествия на край света”, С. Меч “Первые уроки географии” и Крубэ “Курс географии внеевропейских стран”. Каков диапазон?!

Большим тормозом в развитии библиотечного дела оказывалось кадровое и материальное положение библиотек. Инспекторские обследования УралОНО, отчеты с мест, доклады заведующих окружными библиотеками на II Уральской областной конференции рисуют безотрадную картину состояния библиотек области. Большинству библиотек, особенно деревенским, отпускают средства только на зарплату. Библиотеки чаще всего занимают небольшие помещения, где не представляется возможным развернуть клубно-кружковую работу.

Учитывая столь тяжелое положение, V Уральский съезд Советов и II Уральская конференция библиотекарей потребовали выделения помещений, снабжения инвентарем, улучшения книжного состава путем введения обязательных норм пополнения книгами. Так, для районных (городских) библиотек предполагалось приобретать 300 книг в месяц (150 руб.), периодики — 30 руб., на канцтовары — 5 руб., на переплет 100 руб. Однако, из-за состояния местного бюджета такие параметры не выдерживались. Материальное положение библиотекарей было хуже, чем работников школы 1-й ступени. Ставка учителя составляла от 26 до 35 руб., ставка библиотекаря — от 14 до 28 руб.

В 1925—26 гг. по области в массовых библиотеках работало 658 человек. Во всех райбиблиотеках имелось по одному работнику. Библиотекари на селе были одновременно избачами. Многие были заняты работой в партячейках, профсоюзных комитетах, в комиссиях и даже в сберкассах. Непосильная общественно-политическая нагрузка сочеталась с перемещениями, перебросками, увольнениями.

Уровень квалификации сотрудников библиотек, особенно деревенских, оставался низким. Примерно 60% библиотекарей и 75 % избачей имели начальное образование, основная масса обладала стажем работы от 1 до 3 лет. Специальных заведений по подготовке библиотекарей на Урале не существовало. Планировалось открыть на базе Алапаевского техникума библиотечное отделение, но этого не произошло. Подготовка работников осуществлялась через прак-

тикумы при центральных библиотеках. Первые областные курсы проводились осенью 1924 г. в Перми. Их окончило 53 человека. Среди них была Н. А. Ряпосова, которая все последующие годы проработала в Белинке. Я застала в живых интеллигентную, деликатную женщину, нашла ее интервью 1924 г. корреспонденту журнала о том, что она вынесла с курсов “вполне удовлетворительное впечатление, бодрое настроение, некоторую уверенность в своих силах и большое желание работать”.

В 1925 г. состоялась II Уральская конференция библиотечных работников. 5 дней вместо планировавшихся 3-х велось обсуждение таких насущных вопросов, как оживление и углубление политпросветработы, приближение книги к массовому читателю через укрепление сети стационарных библиотек и передвижек, проведение Дня книги на Урале, подготовка и переподготовка библиотечных работников. Часть докладов даже не смогли заслушать из-за перегрузки повестки дня. Решения конференции соответствовали задачам текущего момента и библиотечным нуждам Уральской области. Выполнение принятых решений переходило на вторую половину 20-х годов. А это новая страница в истории библиотечного дела на Урале.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Сборник-бюллетень по внешкольному образованию: Изд. Екатеринбург. УГ внешк. подотдела. — 1920. — № 1.

Коммунистическое просвещение: Орган Политпросвет отд. Екатеринбург. губ. отд. нар. образования. — 1921. — № 1.

Красный внешкольник: Бюл. Перм. губполитпросвета. — 1921. — № 1-2.

На третьем фронте: Журн. Перм. отд. нар. образования. — 1923. — № 1-4; 1925. — NN 1-2.

Политпросветработник: Ежемес. журн. Челябин. губполитпросвета. — 1921. — № 1-6.

Челябинский Красный библиотекарь: Орган библиот. секции Челябин. ОкрОНО. — 1924. — № 1-12; 1925. — № 1-12.

Красный библиотекарь: Журн. библиот. теории и практики. — 1923. — № 1-2; 1924. — № 1-12; 1925. — № 1-12.

Культурная революция на Урале: [Сб. док.]. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. — 308 с.

Чуфаров В. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. (1917—1937 гг.) — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. — 365 с.

Аргамонова С. Библиотечное строительство на Урале ...: Учеб. пособие.— Челябинск, 1993. — 163 с.

А. М. Сафронова,

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького
(Екатеринбург)*

Книги В. Н. Татищева в фондах Свердловского областного краеведческого музея

Покупки за границей

В. Н. Татищев формировал свою библиотеку, оставленную в 1737 г. в Екатеринбурге, около трех десятилетий, немало книг приобретал во время заграничных поездок. Поскольку списков таких приобретений не существует, в документах, за редким исключением, содержатся лишь общие упоминания о фактах покупки, основным источником для изучения географии приобретения книг служат автографы Татищева на книгах, сделанные им как владельцем. Автографы позволяют наиболее точно определить город, а следовательно, страну и дату приобретения той или иной конкретной книги.

Но этим ценность записей не исчерпывается. Наряду с прямой информацией они содержат и косвенную, позволяющую изучать читательские, научные интересы Татищева в тот или иной период, судить о репертуаре книг на рынках Западной Европы, в частности, о перемещениях книг из страны издания в страну, где они были приобретены, и, наконец, в Россию, куда они были вывезены. Особый интерес эти данные представляют в увязке с последним местом бытования книг: знание того, где и когда были приобретены книги, перевалившие 265-летний рубеж нахождения в Екатеринбурге, представляет интерес для истории культуры нашего города, истории библиотек Екатеринбурга, в которых книги хранились в XVIII—